
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

УДК 34(37)091

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ УСТРОЙСТВО ПОЛИСНОГО ГОСУДАРСТВА ЕВРОПЕЙСКОЙ АНТИЧНОСТИ

О. И. ХАНКЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрены вопросы, касающиеся сущности античного государства полисного типа, характерные для него институты управления, способы регулирования общественной и частной жизни полноправных членов гражданской общины, особенности процессуальной практики афинского полиса и римской республиканской *civitas*. Сделаны следующие выводы: полисное государство европейской Античности, внутренняя жизнь которого регламентировалась юридическими институтами и демократической системой управления, стало огромным прогрессом в государственном строительстве древней эпохи; в полисе и *civitas* произошла нормативная фиксация прав и свобод полисных граждан – *ius civile* утверждало и защищало их личные и имущественные права и интересы; судебная система и связанное с ней законодательство стали органичным элементом демократических государств Античности; справедливое правосудие и равное право членов гражданской общины на участие в политической, общественной и религиозной жизни мыслители древности положили в основу определения сущности полисной демократии.

Ключевые слова: город-государство; полис; *civitas*; демократия; гражданское сообщество; гражданин; право; частный процесс; гелия; претор; судебные коллегии (*quaestiones*).

Образец цитирования:

Ханкевич О. И. Политико-правовое устройство полисного государства европейской Античности // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2017. № 3. С. 3–12.

For citation:

Khankevich O. I. Political and legal structure of a polis state of European Antiquity. *J. Belarus. State Univ. Law.* 2017. No. 3. P. 3–12 (in Russ.).

Автор:

Ольга Ивановна Ханкевич – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета.

Author:

Olga I. Khankevich, PhD (history), docent; associate professor at the department of ancient and medieval history, faculty of history.
monzul000@gmail.com

POLITICAL AND LEGAL STRUCTURE OF A POLIS STATE OF EUROPEAN ANTIQUITY

O. I. KHANKEVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article deals with the nature of the ancient polis-type state, its governing institutions, ways of regulating public and private life of full-fledged members of the civil community, the particularities of the procedural practice of the Athenian polis and the Roman republican *civitas*. The author comes to the following conclusions: an ancient European polis-type state, whose internal life was regulated by legal institutions and a democratic system of government, became a huge progress in the state-building of the ancient era; in the *polis* and *civitas* there was a normative fixation of the rights and freedoms of *polis* citizens – *ius civile* asserted and protected their personal and property rights and interests; the judicial system and related legislation became an organic element of democratic states of antiquity; ancient thinkers laid fair justice and the equal rights of members of the civil community to participate in political, public and religious life, into the foundation for the definition of ancient democracy.

Key words: city-state; polis; *civitas*; democracy; civil community; citizen; law; private process; heliaia; praetor; judicial panels (*quaestiones*).

Процесс возникновения и становления в разных регионах древней ойкумены государственности (стейтогенез) изначально имел форму небольших по территории и численности населения урбанистических центров, составлявших с окрестными сельскохозяйственными угодьями единое экономическое и политическое целое. Подобная модель раннего государства зафиксирована исследователями в Южной Месопотамии (IV–III тыс. до н. э.), Восточном Средиземноморье (III–II тыс. до н. э.), Юго-Восточной Европе (I тыс. до н. э.) и Мезоамерике (I тыс. н. э.). Формирование в каком-то регионе одного городского поселения влекло за собой появление другого, и в итоге возникал по терминологии Э. Саутхолла «пучок равноуровневых политий» с идентичными органами управления, языком и письменностью, пантеоном богов и сказаниями о них [1, с. 132]. Данную модель стейтогенеза, многократно повторяющуюся в Старом и Новом Свете, современные ученые считают магистральным путем возникновения *первичного* государства (города-государства), главная особенность которого состояла в уподоблении общине. Элементарная община – объединение группы индивидуальных домохозяйств, жизнь которых строилась на принципах уравнительного землепользования и самоорганизации, – в догосударственную эпоху являлась, по словам В. А. Якобсона, «практически единственной формой политической организации свободного населения и единственным средством обеспечения экономической взаимопомощи» [2, с. 15]. С позиций цивилизационного процесса возникновение в экологически благоприятных зонах земли урбанистических центров стало первым опытом выработки древними людьми оптимальных форм существования и взаимодействия с окружающей средой. Объектом настоящего исследования является город-государство европейской Античности второй половины I тыс. до н. э. в двух его разновидностях – в виде греческого классиче-

ского полиса и римской республиканской *цивита*с (*civitas*), объединенных в антиковедении понятием «государство полисного типа» (в международном лексиконе – *face-to-face society*).

Путь возникновения первичного государства мог быть разным (синойкизм, колонизация, завоевание), но изначально он имел форму сселения и слияния (*синойкизм* (греч.), *агломерация* (лат.)) ряда племенных общин в единую этносоциальную и политическую общность, члены которой воспринимались в качестве «своих» в значении «сородичи, сообщинники, соплеменники, содружинники». Однако термин «государство» для обозначения сформировавшейся в Юго-Восточной Европе территориальной и политической общности в письменных памятниках Античности отсутствует, его заменяют слова *полис* и *цивита*с в значении «город, гражданская община». Сущность понятия «государство» политическая мысль Античности воплотила в учении о формах власти и той пользе, которую она несет своим подданным и гражданам. Так, Аристотель (IV в. до н. э.) к справедливым (в оригинале – правильным) формам власти, существующим ради общего блага, относил монархию, аристократию и демократию, которую назвал *политией*. Перерождаясь, монархия становится тиранией, аристократия – олигархией, а демократия – охлократией, т. е. властью толпы, по своему произволу устанавливающей общественный порядок (Аристотель. Политика, III, 5) [3]. В греческом классическом полисе (V–IV вв. до н. э.) и римской республиканской *цивита*с (V–I вв. до н. э.) общественная и политическая жизнь была сосредоточена в рамках гражданского коллектива при сохранении традиционных для общины форм самоорганизации и самоуправления. Политико-правовые концепты *демократия* и *республика* выразили эту идею народовластия как основополагающий политический принцип устройства полисного государства. Однако собирательное понятие

«народ» (греч. *demos*, лат. *populus*) древние авторы относили только к полноправным жителям города-государства, обладавшим гражданским статусом (греч. *polites*, лат. *civis*). Степень демократичности афинского полиса, олигархической Спарты и аристократической римской *civitas* была разной, но всех их роднит выборная и коллегиальная форма власти с характерной для общины трехчастной системой управления: народное собрание, совет старейшин (*Совет пятисот* в Афинах, *герусия* в Спарте, *сенат* в Риме) и ежегодно переизбираемые магистраты (носители исполнительной власти). Народное собрание (*эклесия*, *апелла* и *комиции* соответственно), как главный избирательный и законодательный орган, выражало коллективное мнение граждан, лично участвовавших в голосовании (прямая демократия). Поскольку граждане (народ) были в полисном государстве источником власти (голосованием избирали магистратов) и права (утверждали законы), древние авторы нередко использовали слова *demos* и *populus* как тождественные понятиям «народное собрание» и «государство».

Специфическим отражением гражданского статуса было то, что гражданами в полисе и *civitas* являлись только лица мужского пола, участвовавшие в ополчении и владевшие на территории своей общины земельным наделом. Такие полноправные члены полисной общины и установили «общим согласием собственное право», которое римляне называли гражданским – *ius civile* (Дигесты Юстиниана, I, 3, 40) [4]. Субъект *ius civile* воспринимался в реалиях социальной жизни полисного государства и как неполитический, частный человек, чем и объясняется наличие у этого права второго названия – *ius privatum*. В римском праве впервые произошло разграничение норм, связанных с системой руководства *civitas*, – функций магистратских и жреческих коллегий, судоустройства, управления общественным имуществом (сфера *ius publicum*) – и норм, регулировавших гражданско-правовые отношения (сфера *ius civile*, или *ius privatum*). При этом границы между публичным и частным правом еще не были четко определены – происходило заимствование публичных норм в частноправовую систему и наоборот. Гражданское общество Античности – особая соционормативная реальность, этимологически тождественная в тех исторических условиях лексикоконцептам *politeia* (греч.) и *civitas* (лат.). Как подчеркивает Д. В. Дождев, говорить о гражданском обществе можно только в случае существования общезначимого права, утверждающего формальное равенство его членов [5, с. 262]. Именно в процессе выработки правовой формы общения членов полисной общины и появился свободный и автономный индивид – субъект внутреннего права этой общины и адресат его норм. «Обладание же правами, – пишет С. Л. Утченко, – и есть то, что делает индивида гражданином и что отличает кол-

лектив граждан от других, более ранних форм общегития» [6, с. 30].

В современной теоретико-правовой науке для обозначения начальной стадии стейтогенеза используется концепт «государственность» и отмечается, что сопутствующим данной стадии политической эволюции явлением было формирование сложного общества. Эгалитарное равенство членов элементарной общины в интегрированной общине-государстве сменилось разделением людей по имущественному и сословному, а позже и правовому статусам, в соответствии с которыми в обществе выделялись знать и простолюдины, богатые и бедные, свободные и рабы. Наличие же сложностратифицированной системы предполагает упорядочение социальных отношений путем подчинения их определенным нормам и стандартам, которые и были выработаны внутренним правом полисного государства. Необходимость права как главного регулятора общественной жизни зафиксирована в латинской поговорке *Ubi societas, ibi ius* («Там, где есть общество (общественная жизнь), там есть и право»). Нормативная природа социального общения зиждется, по утверждению римских юристов, на предписаниях естественного права (*ius naturale*; у Цицерона – *ratio naturale*), божественных заповедей (*fas, ius divinum*) и человеческих законов (*ius humanum*). Правовой фактор Цицерон (I в. до н. э.) положил в основу определения гражданской общины: те, кто связан между собой общими правами и законами, представляют единую общину – *civitas* (Цицерон. О законах, I, 7, 23) [7]. Неотъемлемым правом членов *civitas* была возможность апелляции к народу (*provocatio ad populum*) в случае вынесения судьей решения об изгнании обвиняемого из общины (*deportatio*) с формулировкой «лишение воды и огня» или присуждении его к смертной казни (*poena capitis*). В эпоху республики такие наказания всегда выносились с оговоркой «если народ не воспротивится», что превращало центуриатные комиции, рассматривавшие подобные апелляции, в высшую судебную инстанцию. Право лиц, отмечает Д. В. Дождев, принадлежит исключительно *ius civile*, что указывает на гражданскую общину как на точку отсчета при определении статуса ее полноправных членов [5, с. 262].

Гражданская правоспособность (*caput*) предполагала наличие трех статусов: свободы (*status libertatis*), гражданства (*status civitatis*) и семейного статуса (*status familiae*). Статус семьи указывает на то, что полноправными гражданами являлись только главы индивидуальных домохозяйств в звании *pater familiae*. Подчинение семьи гражданской общине свидетельствует о существовании иерархии указанных статусов: с утратой статуса гражданства, т. е. членства в общине, терялся и семейный статус. Патриархальная семья (*familia*) – естественный микросоциум, характеризовавшийся устойчивыми

личными связями, общностью имущества и совместным трудом. В рамках фамилии определялся и социальный статус индивида, поскольку сыновьям передавалась сословная принадлежность отца, а один из них наследовал и звание домовладыки, что превращало его в собственника семейного имущества, главу домашнего суда и культа. Индивидуальное домохозяйство (греч. *oikos*, лат. *domus*, *villa*) являлось основой материальной самостоятельности граждан античного государства. Подчеркивая сопряженность собственности с гражданской правосубъектностью, Д. В. Дождев пишет: «Собственность конституирует субъекта правового общения – свободного индивида, предоставляя его воле сферу непосредственного воплощения и обеспечивая ему материальную независимость» [5, с. 379]. Юридический институт собственности (*dominium*, *proprietas*), который римские юристы относили к области частного права, изначально возник в рамках семьи, что нашло отражение в ее названии – *familia pecuniaque*. Данный бином охватывал и подвластных домовладыке членов семьи, и совокупное богатство семьи, в которой главной ценностью были земля и домашние животные (*pecus*) (Дигесты Юстиниана, 50, 16, 192) [8]. Описание же этого юридического института и связанных с ним прав сделали на римском материале уже византийские правоведы при подготовке кодекса Юстиниана (VI в. н. э.). Они определили *proprietas* как абсолютное право лица на собственное имущество с широкими распорядительными полномочиями и возможностью защиты в судебном порядке своих прав собственника. В патриархальной семье только ее глава имел такие абсолютные полномочия, что и превращало его в «человека своего права» (*persona sui iuris*). Все подвластные домовладыки квалифицировались как «лица чужого права», они обладали в сфере частного права отраженной правосубъектностью (Дигесты Юстиниана, 50, 16, 39) [8]. В комплекс прав гражданина со статусом домовладыки входило и *ius commercii*, включавшее в себя право быть собственником движимого и недвижимого имущества, совершать с этим имуществом гражданско-правовые сделки, в том числе завещать его своим наследникам (Дигесты Юстиниана, V, 1–6) [4].

Образование государства невозможно, по утверждению Цицерона, без согласия его граждан в вопросах права (Цицерон. О государстве, I, 39) [7]. Институциональное оформление одной из главных ветвей государственной власти – судебной – связано с появлением *гелиеи* в Афинах (начало VI в. до н. э.) и должности *претора* с правом юрисдикции в Риме (середина IV в. до н. э.). В практическом плане это означало утверждение публичного порядка разрешения конфликтов частных интересов при посредничестве представителей гражданской общины.

Одно из значений латинского слова *ius* – право лица, субъекта *ius civile*, защищать свои интересы методом правового регулирования (*facultas*, *potestas*). Задачей данного субъективного права было, с одной стороны, утверждение принципа нормативности социального поведения на индивидуальном уровне, с другой – ограничение произвола со стороны участников тех или иных правоотношений. В основе этих принципов лежит идея о целесообразности следования предписаниям права для достижения общей пользы (в оригинале – общего блага (*commune bonum*)) всего сообщества. Коллективное благо полисных граждан воплотилось в их политическом равенстве, материальной независимости и справедливом правосудии, «воздающем каждому по его заслугам» (Дигесты Юстиниана, I, 10, 1) [4]. Правосудию, персонифицированному в образе языческого божества – *Дике* (греч.), *Юстиция* (лат.), – отводилось одно из главных мест в шкале общеполитических социальных ценностей. Аристотель связал установление демократии в Афинах именно с введением массового народного суда (*гелиеи*), являвшегося, по сути, еще одной, помимо собрания и магистратских коллегий, формой гражданского представительства (Аристотель. Политика, II, 9, 2–3; Афинская полития, IX, 1) [3]. То, что сами греки воспринимали появление *гелиеи* как подлинную революцию в деле устройства справедливой общественной жизни, видно из высказывания Демосфена, согласно которому великий реформатор греков Солон (начало VI в. до н. э.) стремился поднять авторитет суда выше всех других государственных учреждений (Демосфен. Речь против Тимократа, XXIV, 148) [9]. В связи с этим уместно процитировать клятву афинских гелиастов, которую они давали при вступлении в должность: «Я буду подавать свой голос в соответствии с законами, постановлениями народа афинян и Совета пятисот, я не окажу поддержку тирании или олигархии <...> я не буду поддерживать требования отмены частных долгов или передела земли и домов афинских граждан» (Демосфен. Речь против Тимократа, XXIV, 149) [9]. Запрет на передел земли и домов граждан свидетельствует о формировании института вещных отношений на основе утверждения индивидуального домохозяйства, в рамках которого коллективные земли рода превратились в неотчуждаемую частную собственность. Вступая в должность (ежегодная процедура), архонты клятвенно подтверждали сохранение за гражданами принадлежащего им имущества. Имя афинского законодателя Драконта (VII в. до н. э.), предписавшего смертную казнь даже за кражу урожая с чужого поля, стало, как известно, нарицательным.

По наблюдениям современных ученых, законодательная и судебная ветви власти были развиты в полисном государстве гораздо лучше исполнительской. С помощью института суда формирую-

щееся государство санкционировало принуждение в отношении преступников, рабов, подвластных и должников, для чего была разработана система штрафных санкций и уголовных наказаний. Однако постоянного аппарата подавления и принуждения еще не существовало, полномочия контроля за жизнью граждан были распределены между главами патриархальных семейных общин (домашний суд), собранием всего гражданского коллектива (в качестве апелляционной инстанции) и собственно институтом суда (в Афинах – гелиея, в Римской республике – особая магистратская должность претора, а со II в. до н. э. – специализированные судебные комиссии (*quaestiones perpetuae*)). Для нужд суда и в Афинах, и в Риме издавалось множество законов, но, несмотря на огромный нормативный материал, в ряде случаев противоречивый и неупорядоченный, основные институты права в афинском полисе не были разработаны с достаточной полнотой и основательностью [10]. А вот «конституция» пелопоннесского государства Лакедемон не требовала письменной фиксации норм права, что свидетельствует, по утверждению Л. Г. Печановой, о нежелании спартанской элиты жить по писаным законам, справедливо считавшей, что «любая фиксация права ведет к демократизации общества» [11]. В Афинах, помимо постановлений экклесии в форме *nomos* (закон, писаное право) в демах, т. е. административных округах этого полиса (в них реально и протекала вся общественная жизнь), принималось множество *псефизм* – подзаконных актов, касавшихся частных интересов граждан. В речах греческих судебных ораторов присутствует много упоминаний об исках, оспаривавших гражданские права жителей демов. Дело в том, что в середине V в. до н. э. в Афинах был принят закон о гражданских правах: полноправными членами полисной общины считались те, у кого оба родителя являлись гражданами. *Метекам* (реже – *ксенам* (чужеземцам)) декретами народного собрания даровали гражданский статус, но только за особые заслуги перед афинским полисом. Имели место и нелегальные способы приобщения к этому статусу (включение метеков и ксенов в списки граждан, которые велись по демам их предводителями – *демархами*). Регулярные проверки этих списков заканчивались исключением из них лжеграждан. Несогласный с таким решением мог апеллировать в гелиею, решением которой он или восстанавливался в гражданских правах, или обращался в раба. На этом основании Л. М. Глускина делает заключение о том, что в жизнь афинских демов проникла коррупция и что «у демархов были широкие возможности манипулировать гражданскими списками» [12, с. 453].

Греческие и римские риторы достаточно подробно описывают практику функционирования судебной власти в полисе и *civitas*. Гласный характер судо-

производства и связанных с ним процедур отражал, по сути, демократические идеалы рассматриваемого времени. Огромное число тяжб свидетельствовало о том, что «на почве демократического полиса находило себе применение извечное агональное, соревновательное начало греческого менталитета» [10, с. 36]. Суд в эпоху классической Античности – состязание на принципе равенства истца и ответчика, выступавших на процессе субъектами разных прав и интересов. Вступая в должность, гелиасты клялись, что станут «одинаково беспристрастно выслушивать выступление как обвинителя, так и обвиняемого» (Демосфен. Речь против Тимократа, XXIV, 151) [9]. В зависимости от критерия защищаемого интереса процесс мог быть частным или публичным. В Афинах частный иск (*дики*) имел право подавать только сам потерпевший, а обвинителем по государственным делам (*графэ*) мог выступить любой гражданин, ибо, «когда наносят обиду государству (в оригинале – полису), пострадавшими оказываются все граждане» (Платон. Законы, 768а) [13]. В случае выигрыша в частном деле штраф причитался истцу, в государственном же процессе он шел в казну. К примеру, в делах о незаконном присвоении гражданства обвинитель мог рассчитывать на треть суммы штрафа или дохода от продажи имущества обвиняемого. В частном праве преобладали диспозитивные нормы, что предполагало самостоятельные действия лица по защите и восстановлению собственных прав и интересов. Выступая в роли истца, потерпевший сам собирал улики, показания свидетелей и обеспечивал явку ответчика в суд. Отсутствие официальных обвинителей и защитников породило уникальную практику привлечения *логографов*, т. е. сочинителей речей, а в случае необходимости – и ораторов, произносивших эти речи за неграмотных тяжущихся. Поскольку процесс строился на принципе состязательности, от них требовалось не только отразить в речи интересы нанявшей их стороны, но и рассказать о происхождении, социальном положении и гражданских достоинствах заказчика. С V в. до н. э. иски в афинском суде оформлялись уже в письменном виде, что входило в обязанности судебных секретарей (*граммотеев*) и писцов (*скрибов*). На агоре на побеленных досках выставлялись объявления о заседаниях суда и обнародовались новые законопроекты, что свидетельствовало о массовой грамотности граждан афинского полиса. Наиболее известными формами публичных тяжб были *остракофории* – процессы об изгнании врагов демократии (действительных или мнимых, как показывает случай с Алкивиадом) – и жалобы на противозаконие (*графэ параномон*), в которых любой из граждан мог инициировать проверку принятого народным собранием закона (Эсхин. Против Ктесифонта о венке, 197–199) [14]. Свобода слова (*исэгория*) способствовала развитию гражданской инициативы:

можно было предложить новый закон, потребовать обсуждения епископом какого-нибудь злободневного вопроса, выступить обвинителем должностного лица или просто состоятельного гражданина. Обратной стороной такой свободы явилось широкое распространение сикофанства, т. е. доноительства. Биография известного афинского политика и богача Никия, рассказанная Плутархом, показывает, что «любители чужих дел» (сикофанты) далеко не всегда руководствовались общественным благом (Плутарх. Никий, 5; Аристофан. Осы, 158–160, 240–243) [15; 16]. Российский антиковед Т. В. Кудрявцева называет доносчиков «антигероями афинской демократии», которые «исторгали из демократической политики состоятельных граждан». Сикофанты нередко шантажировали и должностных лиц полиса, особенно при сдаче ими отчета народному собранию, «что вряд ли способствовало эффективности их деятельности» [17, с. 183].

В римской *civitas* суд по частным искам (*ordo iudiciorum privatorum*) был, в сущности, публичным арбитром с ограниченными задачами: решение принималось только в соответствии с заявлениями сторон и представленными ими доказательствами, оно не могло своим содержанием превосходить требование истца. В легисакционном процессе раннереспубликанского Рима, когда только выработывалась система юстиции, гражданский конфликт оформлялся в виде соглашения судьи-магистрата и участников тяжбы о том, что их интересы найдут адекватное воплощение в процессуальных действиях и решениях. Соглашение имело стандартную вербальную формулу: истец (*actor*), активная сторона правоотношений (*dictatio iudicii*), ответчик (*reus*), обязанная сторона (*acceptio iudicii*), судья (претор) – *datio iudicii*. *Datio iudicii* претора, устанавливавшего соответствие претензии истца определенной норме права, также облакалась в форму вербального обязательства из «трех священных слов»: *do* – «предоставляю иск», *dico* – «назначаю частного судью-присяжного для рассмотрения дела», *addico* – «определяю форму наказания». Эта практика римлян «изрекать право» (*ius dicere*) и стала основанием для обозначения в международном праве самого процесса правосудия. В случае третейского суда соглашение сторон о разрешении спора составляло индивидуальный акт (*pactum conventum*) на основе признания ответчиком своей вины (Дигесты Юстиниана, IV, 8) [4]. В итоге законное требование отдельного лица получало признание всего сообщества, сам же конфликт частных интересов разрешался путем нормативного урегулирования. Ответственность в римском праве ставилась в зависимость от субъективных условий, воплощенных в гражданско-правовой категории *bona fidei*, т. е. добросовестности, в качестве общего принципа осуществления гражданских прав и обязанностей. Однако индивидуальный интерес

управомоченного лица мог не вписываться в общую материальную норму закона. В такой ситуации претор обосновывал заявленное истцом требование фактическим положением дел (*in factum conceptae*), что свидетельствует об отказе *ius honorarium* от формализма *ius civile*, предписывавшего строгое следование букве закона. Так преторское (иначе – магистратское) право стало воплощать в жизнь соображения целесообразности и справедливости, о которых речь шла выше.

Еще один способ разрешения нестандартных коллизий – создание римскими юристами (*iuris prudentes* – от сочетания этих слов и произошло международное название науки права) *сингулярных* норм в виде интерпретации обычаев и законов. Иск (*actio*) в понимании *prudentes* имел и процессуальный, и материальный смысл: *agere* означало «совершить юридически значимое действие», откуда и образное определение иска как «права в действии». При этом каждый отдельный иск образовывал в римской юстиции самостоятельную фигуру, не являясь компонентом какой-то области права, зафиксированной в специальном кодексе. Формуляры типовых исков содержались в преторских *эдиктах* и консультациях авторитетных юристов, толковавших (*interpretatio*) судебные казусы. Казуистический метод правотворчества и правоприменения в эпоху Римской республики был, по мнению итальянских романистов, ведущим [18–20]. Однако судебная система полисного государства не выработала строгих стандартов доказательства вины или невиновности подсудимого, которых требуют современные правила ведения процесса. Поэтому значительную роль в исходе дела играли такие внеправовые аспекты, как красноречие защитника (дефенсора) и обвинителя (аккузатора), а также политический вес и общественный авторитет не только самого подсудимого, но и всех, кто оказывал ему поддержку.

Публичность и состязательность римской юстиции ярче всего проявлялись, во-первых, в практике ежегодного обнародования (*edicere*) преторами формуляров типовых исков, во-вторых, в речах судебных защитников и обвинителей. Имя Цицерона как оратора-публициста стало нарицательным благодаря тому, что после выступления в базилике или на форуме он дорабатывал свои речи и затем публиковал их (в полном объеме сохранилось 58 его речей и фрагменты ряда других). Цицерон неоднократно обращался к вопросам техники построения своих речей и приемов воздействия на аудиторию во время их произнесения. Главным для него было стремление достичь убедительности, ибо «единственная мера ораторского достоинства в глазах несведущих – конечная победа» (Цицерон. Об ораторе, II, 17, 72) [21]. Оратор раскрывает и приемы защиты в целях формирования у судей-присяжных благоприятного мнения о подсудимом:

«Мой обычный способ речи состоит в том, чтобы охватить все выгодные для обвиняемого моменты, приукрасить их, приумножить». Невыгодные, неблагоприятные для дела факты защитник обязан был, по совету Цицерона, «полностью скрыть» (Цицерон. Об ораторе, II, 72, 292) [21]. При этом защитник не имел преимуществ обвинения, он мог рассчитывать только на добровольных свидетелей и добровольно представленные сторонами факты. Однако такое неравенство смягчалось выгодным процессуальным положением защитника: бремя доказывания (*onus probandi*) лежало на обвинении в соответствии с принципом римского права «отрицание не нужно доказывать». Этим и объясняется пассивная роль ответчика, за которого «уговаривали» судей его заступник (*advocatus, patronus*) и друзья (*laudatores*, т. е. хвалители). Большинство речей Цицерона имеют дефенсорный характер, однако сам он оказался беззащитным в эпоху гражданского террора последних десятилетий существования республики в Риме. После убийства Цезаря в 44 г. до н. э. оратор принял сторону его политического наследника, Гая Октавиана, будущего императора Августа. Окрыленный поддержкой столь влиятельного человека, Цицерон, отстаивавший республиканские идеалы, произнес на форуме ряд обличительных речей (*инвектив*) против Марка Антония, однако вскоре был предан Гаем Октавианом и убит. Платой за былой успех, заключает С. Л. Утченко, стала для Цицерона сама жизнь [22, с. 346].

Публичность и состязательность были свойственны и афинской гелиее, которая в классическую эпоху являлась судом первой инстанции. По структуре и функциям это был массовый народный суд, состоявший из шести тысяч присяжных, жребием распределявшихся по судебным палатам (*дикастериям*). По сохранившимся текстам речей греческих ораторов, выступавших как в роли логографов, так и представителей сторон в процессе, мы имеем уникальную возможность воспроизвести систему гражданских и идейных ценностей античной демократии. В республиканском Риме список присяжных (*paes curiae*) комплектовался сенатом из числа граждан, имевших подготовку в области юриспруденции и риторики (в источниках они характеризуются как *boni viri*). Члены же афинской гелиеи назначались жребием из всех слоев гражданского коллектива, что подтверждает Исократ (IV в. до н. э.), который рассказывает о толпе бедняков у здания дикастерия, регулярно собиравшихся здесь в надежде попасть в число присяжных и получить в итоге регулярный заработок. Еще одной особенностью являлось то, что дела между судебными палатами распределялись с помощью жребия непосредственно в день заседания и присяжные не были знакомы с их содержанием, а значит, не могли быть подкуплены. Вот слова клятвы афинских су-

дей: «Я не буду брать взяток, используя должность судьи, сам или кто-нибудь другой <...> от моего имени по сговору со мной...» (Демосфен. Речь против Тимократа, XXIV, 150) [9]. Указанными обстоятельствами и объясняется пассивная роль присяжных в процессе. Все материалы готовил судья (председатель), по просьбе которого в ходе слушания дела секретарь извлекал из запечатанной урны нужные документы и зачитывал их. Присяжные при этом выражали свое отношение к происходящему возгласами одобрения или неодобрения, шумом и даже свистом. Так же вели себя и присутствовавшие на процессе «группы поддержки» (*синегоры*) истца и ответчика, пытаясь оказать эмоционально-психологическое воздействие на судей. Содержанием речей сторон процесса и нанятых ими ораторов был не только предмет самой тяжбы, но и характеристика противника: негативно оценивался его моральный облик, а также внешность, манера говорить и даже ходить. Противоположная сторона выставляла себя как безупречного гражданина-патриота, активно используя при этом риторические преувеличения. Все выступавшие неизменно апеллировали к справедливости судей и напоминали им о законах, которыми они должны руководствоваться при вынесении своего вердикта. Это превращало судебное заседание в своеобразное театрализованное представление с целью пробудить у суда понимание, сострадание и даже жалость. В итоге решение присяжных в значительной степени определялось полученными в ходе процесса впечатлениями, их собственными представлениями о справедливости и уже в последнюю очередь соответствующей предмету тяжбы нормой права. Такой *дискреционный* характер судебного решения отчасти объясняется политическими пристрастиями и социальными предпочтениями как судебных ораторов, так и самих присяжных.

Показателен в этом плане громкий процесс 399 г. до н. э. над афинским мудрецом Сократом, который в ходе заседания постоянно нарушал принятые в гелиее «правила игры». Сократ, напомнив судьям о всеобщем несправедливом предубеждении против него, заявил, что справедливый человек, занимаясь в полисе общественной деятельностью, долго не проживет, потому что за критику беззаконий неизбежно заплатит жизнью. Обвиняемый совершил прямой выпад и в адрес судей, напомнив им, что они присягали не в том, что будут по своей прихоти миловать кого захотят, а в том, что будут судить по законам [23]. Ксенофонт в воспоминаниях о Сократе утверждает, что присяжные без всяких затруднений оправдали бы его, если бы он прибегнул к обычным в афинском суде уловкам и приемам – «постыдным мольбам и женским воплям» (Ксенофонт, IV, 44) [24]. Исследователь Р. Хоффман называет суд над афинским

мудрецом «самым позорным эпизодом в истории греческой демократии» [25, с. 234]. Российский антиковед Т. В. Кудрявцева ставит проблему гражданской инициативы в развитии античной демократии в контекст существовавших в ней механизмов социального регулирования. Фигура Милета, инициировавшего процесс над Сократом, идеально вписывается в афинскую судебную систему, построенную на добровольной инициации иска и добровольном обвинении. Если же рассматривать такую практику с социально-психологических позиций, то афинский сикофант выступает, по словам Т. В. Кудрявцевой, в виде особого социального типа, штатного аутсайдера, своего рода «отрицательной модели, призванной отвести критику от демократии» [17, с. 183]. Добровольные обвинители, с одной стороны, выявляли нарушения законов и различные злоупотребления, с другой – это был выход чувствам зависти и вражды к сильным мира сего, или, как пишет И. Е. Суриков, средство компенсации фрустрации [26, с. 353]. Чтобы искоренить это зло, афинская демократия должна была кардинально изменить судебную систему, что происходило в позднереспубликанском Риме. Унификация юридических институтов *civitas* выразилась в специализации функций суда и самих процессуальных средств. В частности, формой процесса стала определяться степень защиты материального интереса истца: исполнительные (вещные иски) и определительные (личные иски) превратились в главное средство реализации таких интересов.

На протяжении III–I вв. до н. э. локализованная в пределах Апеннинского полуострова гражданская община, *civitas*, трансформировалась в полиэтничную территориальную державу с подвластными округами (провинциями) за пределами Италии. Для регулирования деловых и торговых контактов с населением провинций, *перегринами*, в Риме в середине III в. до н. э. была учреждена должность претора по делам перегринов, а начиная со II в. до н. э. стали формироваться специализированные судебные комиссии по уголовным делам (*quaestiones perpetuae*). При этом в юридической теории республиканской эпохи точная классификация частных правонарушений (*delictum*) и уголовных преступлений еще не сложилась. Отдельные элементы, которые современная юридическая наука относит к сфере уголовного права, римляне включали в сферу действия публичного права. Судьи сами определяли то или иное деяние в качестве *delictum privatum* или *delictum publicum*, дефинируя второй вид деликтов как злодеяние (*maleficium*) – неправомерное деяние против государства и его общественного устройства. Частный деликт – причинение вреда лицу или его имуществу, в этом случае виновного преследовал сам пострадавший на основе *obligatio ex delicto* (обычным присуждением в таких случаях был

штраф или возмещение ущерба). А вот все определения публичных деликтов основывались на специальных законах: *de ambitu* – об электоральной коррумпции, *de repetundis* – о вымогательствах и взятках должностных лиц в Риме и чиновников в провинциях, *de parricidio* – дела об убийствах, *de vi* – о насильственных действиях, *de maiestate* – преступление против римского народа и его безопасности, за что полагалось, по словам Ульпиана, «более суровое наказание, чем за любое другое преступление» (Дигесты Юстиниана, 48, 4, 1) [8]. Судьями в этих специализированных комиссиях являлись представители сенаторского сословия (*ordo senatorius*), традиционную сферу деятельности которых составляли политика и юриспруденция. А поскольку в перечисленных выше преступлениях обвиняемыми были, как правило, всадники (сфера их интересов – финансы, торговля, откупа, служба в провинциальной администрации), в римском обществе развернулась острая борьба по вопросу сословного представительства в уголовных судах, состав которых периодически менялся.

От II–I вв. до н. э. дошли целые серии законов, устанавливавших санкции за названные «публичные злодеяния», что было свидетельством, с одной стороны, их неэффективности, с другой – возможности остаться безнаказанным в случае отсутствия обвинения. Именно право частного обвинения создавало самые широкие перспективы для использования *quaestiones* в политических целях, о чем говорит В. К. Хрусталёв: «Соперничающие между собой группировки и отдельные политики не стесняются прибегать к любым приемам и ухищрениям, в том числе весьма неблагоприятным, для достижения своих задач: подкуп избирателей, запугиванию конкурентов, вооруженному насилию» [27, с. 3]. Чаще всего способом устранения политических конкурентов становились обвинения в «оскорблении (умалении) величества римского народа» (*de maiestate*). Деятельность данной комиссии базировалась на целой серии законов, под санкцию которых в эпоху принципата (I–III вв. н. э.) стали уже подпадать любые посяательства на власть и ее персонального носителя – императора (Светоний. Нерон, XXXII, 2) [28]. Появление серии законов обусловила и предвыборная коррупция (*de ambitu*). Самые ранние из них запрещали кандидату облачаться в белую тогу (*candida*) и появляться в ней на форуме с целью заручиться поддержкой сограждан при голосовании в комициях. Более поздние постановления не позволяли уличенному в коррупции кандидату претендовать в будущем на любую магистратскую должность, а в особых случаях виновный наказывался десятилетним изгнанием (к такому же наказанию присуждался и превысивший служебные полномочия римский магистрат). Частота принятия законов о коррупции является показателем тщетности

борьбы с этим злом. Новым феноменом в жизни римского общества времен Цицерона стали уличные беспорядки, физическое насилие, шантаж и запугивание политических противников, что нередко парализовывало нормальную жизнь города. Судебная комиссия о насилии (*de vi*) специализировалась на рассмотрении дел о насильственных действиях, совершенных против частных лиц, а также преступлениях против общественного порядка. В рамках данной уголовной комиссии и действовал в 63 г. до н. э. Цицерон, занимавший консульскую должность: он приказал казнить нескольких участников заговора Катилины. В 59 г. до н. э. оратор, не обладавший уже правом магистратской неприкосновенности, был подвергнут изгнанию из Рима за то, что не предоставил заговорщикам, являвшимся римскими гражданами, права апелляции к народному собранию. По свидетельству Плутарха (I – начало II в. н. э.), Цицерон вел себя в этой критической для него ситуации отнюдь не героически: он облачился в траур и униженно просил консулов о помиловании. Не получив поддержки, ставший политиком оратор добровольно удалился в изгнание (Плутарх. Цицерон, XXX) [15]. «Бесстрашным и неимущим должен быть тот, – сказал однажды в суде сам Цицерон, – кто станет народным вождем и знаменосцем» (Цицерон. Речь в защиту Мурены, XXV, 50) [29].

В заключение отметим, что охарактеризованное в настоящем исследовании полисное государство

европейской Античности, внутренняя жизнь которого регламентировалась многочисленными юридическими институтами и демократической системой управления, стало огромным достижением в государственном строительстве древней эпохи. В гражданской общине Греции и Рима существовал широкий спектр политических и сословных градаций, но определяющим было место индивида в системе гражданских связей и отношений. Именно в античном государстве полисного типа впервые возникло представление о свободах и правах личности, нормативное закрепление которых явилось важнейшей исторической заслугой греко-римской цивилизации. В практическом плане общество в полисе и *civitas* имело форму системы социальных связей, опосредованных правом, которое утверждало и защищало личные и имущественные права и интересы полноправных граждан. Новейшие работы российских и западных антиковедов показывают, что в IV в. до н. э. афинские дикастерии сконцентрировали в своей компетенции важнейшие вопросы общественной жизни, т. е. не народное собрание, а гелиея фактически являлась высшим органом власти в этой самой известной демократии эпохи Античности [30–32]. Справедливое правосудие и равное право членов гражданской общины на участие в политической, общественной и религиозной жизни мыслители древности и положили в основу определения сущности полисной демократии.

Библиографические ссылки

1. Саутхолл Э. О возникновении государств // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 130–136.
2. Якобсон В. А. Возникновение писаного права в Древней Месопотамии // Вестн. др. истории. 1981. № 4. С. 9–20.
3. Аристотель. Политика. Афинская политика. М., 1997.
4. Дигесты Юстиниана : в 7 т. / отв. ред. Л. Л. Кофанов. М., 2002. Т. 1.
5. Дождев Д. В. Римское частное право. М., 2011.
6. Утченко С. Л. Политические учения Древнего Рима (III–I вв. до н. э.). М., 1977.
7. Цицерон Марк Туллий. Диалоги: о государстве; о законах. М., 1966.
8. Дигесты Юстиниана : в 7 т. / отв. ред. Л. Л. Кофанов. М., 2005. Т. 7, полутом 2.
9. Демосфен. Речи : в 3 т. М., 1994. Т. 1.
10. Суриков И. Е. О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // *Ius Antiquum*. Древнее право. 1999. № 2. С. 34–42.
11. Печатнова Л. Г. Гипомейоны и мофаки (структура гражданского коллектива Спарты) // Вестн. др. истории. 1993. № 3. С. 100–115.
12. Глушкина Л. М. Социальные институты, экономические отношения и правовая практика в Афинах IV в. до н. э. // Демосфен. Речи : в 3 т. М., 1994. Т. 2. С. 405–467.
13. Платон. Законы // Собрание сочинений : в 4 т. М., 1994. Т. 4.
14. Ораторы Греции / сост. М. Л. Гаспаров. М., 1985.
15. Плутарх. Избранные жизнеописания : в 2 т. М., 1987. Т. 1.
16. Аристофан. Комедии : в 2 т. М., 1983. Т. 1.
17. Кудрявцева Т. В. Сикофанты и афинская демократия // Вестн. др. истории. 2007. № 2. С. 174–184.
18. Bonfante P. Istituzioni di diritto romano / ed. by A. Giuffrè. Milano, 1987.
19. Franciosi G. Corso istituzionali di diritto romano / ed. by G. Giappichelli. Torino, 1997.
20. Talamanca M. Istituzioni di diritto romano / ed. by A. Giuffrè. Milano, 1990.
21. Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972.
22. Утченко С. Л. Цицерон и его время. М., 1972.
23. Суд над Сократом. Сборник исторических свидетельств. СПб., 2000.
24. Ксенофонт. Защита Сократа на суде // Ксенофонт. Сократические сочинения. СПб., 1993. С. 5–152.
25. Хоффман Р. Такой одинаковый и разный мир. М., 2001.
26. Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М., 2006.

27. Хрусталёв В. К. Судебные процессы по уголовным делам как инструмент политической борьбы в Римской республике в 78–49 гг. до н. э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. СПб., 2013.
28. Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей. М., 1964.
29. Цицерон Марк Туллий. Речи : в 2 т. М., 1962. Т. 1.
30. Cohen D. The Rule of Law and Democratic Ideology in Classical Athens // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 224–244.
31. Hansen M. H. The Political Powers of the People's Court in Fourth-Century Athens // The Greek City: From Homer to Alexander. Oxford, 1991. P. 215–243.
32. Суриков И. Е. Новая концепция афинской истории IV в. до н. э. // Вестн. др. истории. 1996. № 4. С. 240–241.

References

1. Southall A. [On the Emergence of States]. *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii*. Moscow, 2000. P. 130–136 (in Russ.).
2. Yakobson V. A. [The Emergence of Written Law in Ancient Mesopotamia]. *Vestnik drevnei istorii*. 1981. No. 4. P. 9–20 (in Russ.).
3. Aristotle. [Politics. Athenian politia]. Moscow, 1997 (in Russ.).
4. Digesta Iustiniani : in 7 vol. Moscow, 2002. Vol. 1 (in Russ.).
5. Dozhdev D. V. [Roman Private Law]. Moscow, 2011 (in Russ.).
6. Utchenko S. L. [Political Teachings of Ancient Rome (III–I centuries BC)]. Moscow, 1977 (in Russ.).
7. Cicero Mark Tullii. [Dialogues: on the Commonwealth; on the Laws]. Moscow, 1966 (in Russ.).
8. Digesta Iustiniani : in 7 vol. Moscow, 2005. Vol. 7, half 2 (in Russ.).
9. Demosthenes. [Orations] : in 3 vol. Moscow, 1994. Vol. 1 (in Russ.).
10. Surikov I. Y. [On some features of the legal awareness of the Athenians of the classical era]. *Ius Antiquum. Drevnee pravo*. 1999. No. 2. P. 34–42 (in Russ.).
11. Pechatnova L. G. [Hypomeions and mophaks (structure of the civil collective of Sparta)]. *Vestnik drevnei istorii*. 1993. No. 3. P. 100–115 (in Russ.).
12. Gluskina L. M. [Social institutions, economic relations and legal practice in Athens in IV century BC]. *Demosthenes. Orations* : in 3 vol. Moscow, 1994. Vol. 2. P. 405–467 (in Russ.).
13. Plato. [Laws]. *Sobranie sochinenii* : in 4 vol. Moscow, 1994. Vol. 4 (in Russ.).
14. Gasparov M. L. (compil.). [Greek Orators]. Moscow, 1985 (in Russ.).
15. Plutarch. [Parallel Lives] : in 2 vol. Moscow, 1987. Vol. 2 (in Russ.).
16. Aristophanes. [Comedies] : in 2 vol. Moscow, 1983. Vol. 1 (in Russ.).
17. Kudryavtseva T. V. [Sycophants and Athenian democracy]. *Vestnik drevnei istorii*. 2007. No. 2. P. 174–184 (in Russ.).
18. Bonfante P. Istituzioni di diritto romano. Milano, 1987 (in Italian).
19. Franciosi G. Corso istituzionale di diritto romano. Torino, 1997 (in Italian).
20. Talamanca M. Istituzioni di diritto romano. Milano, 1990 (in Italian).
21. Cicero Mark Tullii. [Three Treatises on Oratory]. Moscow, 1972 (in Russ.).
22. Utchenko S. L. [Cicero and His Time]. Moscow, 1972 (in Russ.).
23. [The Trial of Socrates. Collection of Historical Evidence]. Saint Petersburg, 2000 (in Russ.).
24. Xenophon. Zashchita Sokrata na sude. In: Xenophon. *Sokraticheskie sochineniya*. Saint Petersburg, 1993. P. 5–152 (in Russ.).
25. Hoffman R. [Such an identical and different world]. Moscow, 2001 (in Russ.).
26. Surikov I. Y. Ostracism in Athens. Moscow, 2006 (in Russ.).
27. Khrustalev V. K. [Trials in criminal cases as an instrument of political struggle in the Roman Republic in 78–49 BC] : avtoreferat dissertatsii... kandidata istoricheskikh nauk : 07.00.03. Saint Petersburg, 2013 (in Russ.).
28. Gaius Suetonius Tranquillus. [The Lives of the Twelve Caesars]. Moscow, 1964 (in Russ.).
29. Cicero Mark Tullii. [Orations] : in 2 vol. Moscow, 1962. Vol. 1 (in Russ.).
30. Cohen D. The Rule of Law and Democratic Ideology in Classical Athens. *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.* Stuttgart, 1995. S. 224–244.
31. Hansen M. H. The Political Powers of the People's Court in Fourth-Century Athens. *The Greek City: From Homer to Alexander*. Oxford, 1991. P. 215–243.
32. Surikov I. Y. [New Conception of Athenian History in IV century BC]. *Vestnik drevnei istorii*. 1996. No. 4. P. 240–241 (in Russ.).